

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИЙ

РОК-Н-РОЛЛ
ПОД КРЕМЛЕМ • 2

НАЙТИ ШПИОНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Компьютерный дизайн обложки
Половцовой Яны

Корецкий, Данил Аркадьевич.

К66 Рок-н-ролл под Кремлем. Книга 2. Найти шпиона : [роман] /Данил Корецкий. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Шпионы и все остальные. Данил Корецкий).

ISBN 978-5-17-098187-8

Молодой контрразведчик Юрий Евсеев ведет оперативную разработку старших офицеров, один из которых завербован 30 лет назад американской разведкой, московские диггеры сталкиваются с таинственными и страшными явлениями глубоко под земной поверхностью, ЦРУ проводит в Москве секретную операцию «Рок-н-ролл». Все эти линии переплетаются в один запутанный узел. Его надо развязать. Или разрубить.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098187-8

© Корецкий Д. А., 2011
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ВСТУПЛЕНИЕ

Летом 1972 года кадровый сотрудник Центрального разведывательного управления США Кертис Вульф прибывает в Москву в группе американских туристов под легендой фотографа, готовящего альбом старинных русских церквей. Агенты Комитета государственной безопасности гид-переводчица Лилия, вольнодумствующий представитель московской богемы Профессор, завербованный американец Спайк под разными предложениями проверяют Вульфа, но не находят в его поведении ничего подозрительного. Усыпив, таким образом, бдительность контрразведки и оторвавшись от сотрудника службы наружного наблюдения Семенова, Кертис Вульф, по наводке резидента ЦРУ в Москве «дяди Коли», встречается с молодым человеком — выпускником ракетного училища, распределенным на секретный полигон. Шантажом он добивается согласия выполнить задание: установить на полигоне сканер-передатчик. Весь разговор сотрудник ЦРУ записывает на диктофон. Ночью Кертиса Вульфа арестовывают в гостинице «Интурист», кассету с записью вербовочной беседы он успевает спрятать под полом номера. Факт встречи Вульфа с курсантом остался неизвестным, его шпионскую деятельность доказать не удалось, но за использование поддельного паспорта, изготовленного в лаборатории ЦРУ, он был осужден к трем годам лишения свободы.

Летом 2002 года, при сносе гостиницы «Интурист», рабочие находят кассету Вульфа и передают ее в ФСБ. Расследование ведет молодой сотрудник Юрий Евсеев. На од-

ном из полигонов страны он обнаруживает вышедший из строя сканер-передатчик, который был вмонтирован в голову стоящего возле штаба памятника Ленину. В ремонте статуи в 1972 году принимали участие четыре выпускника ракетного училища, причем один из них погиб от удара электрического тока. Майор Семаго впоследствии уволился из армии, а полковники Катранов и Мигунов продолжают служить, занимая ответственные должности. Все трое попадают под подозрение. Евсеев проверяет их, одновременно пытается разыскать «дядю Колю».

Диггеры Леший и Хорь путешествуют по подземельям Москвы. Здесь их подстерегает множество опасностей, тайн и секретов. Легендарный среди диггеров «Подземный кошмар» — неизвестное существо: то ли карлик, то ли обезьяна, то ли маньяк, клады, заброшенные бункеры, оружие, неизвестные, не принадлежащие к племени диггеров люди, уверенно ориентирующиеся под землей и жестоко расправляющиеся с посторонними. Заветная мечта Лешего — отыскать библиотеку Ивана Грозного. Но для этого надо пройти под Кремль, что ему никак не удастся. В одном из подземных лабиринтов Леший и Хорь обнаруживают труп неизвестного, при котором находятся старинные серебряные монеты. Вскоре после этого на Лешего нападают неизвестные, в жесткой форме предлагая вернуть монеты и больше не появляться в тех местах.

Тем временем руководство США получает информацию о начатых между Россией и Китаем военно-политических переговорах, связанных с размещением на территории Китая новейших русских ракет. Этот ответ на расширение НАТО на восток может существенно нарушить военное преимущество, к которому стремятся США. Для получения информации о переговорах ЦРУ подыскивает высококвалифицированного специалиста по России. Такой специалист есть, это Билл Джефферсон — оперативный псевдоним Мачо. Джефферсон не сумел выполнить предыдущее задание и вернулся из России без резуль-

тата, но с русской женой Оксаной. В связи с возникшими проблемами по службе, он вышел в отставку и открыл оружейный магазин. За высокий гонорар Мачо соглашается вернуться в Москву.

ГЛАВА 1

Встреча выпускников

10 сентября 2002 года, Москва

Кто-то думает, что ракетчики — самые упертые материалисты на свете. Уж в слишком материальном мире они обитают. Ракеты не признают лирики и идеалистических измышлений. Сверхпрочный стальной корпус, двигатели, топливо, окислитель, узел управления, головная часть с боевым зарядом — где тут место чертовщине? И властвуют здесь сугубо математические категории: стартовая скорость, угол подъема, расчетная траектория, время подлета, мощность боеголовки... Сплошное царство научного рационализма: теория прицеливания, баллистика, ядерная физика... Какие тут могут быть суеверия?

В самом деле: ну выполняй устав, приказы и инструкции, следи за своим «карандашом», осуществляй в соответствии с регламентом контроль функционирования по двадцати параметрам ежедневно, бдительно неси боевые дежурства, отрабатывай учебные вводные на мониторе стартового компьютера, молись, чтобы старты были только учебные, — и все будет хорошо. Дослужишь до предельного возраста, получишь подполковничьи, а то и полковничьи погоны, а если очень повезет — может, и шитые золотом генеральские звезды, да вопреки курсантским страшилкам

твой «гвоздь» так и останется работоспособным, так что и детям порадуешься, и внуков помянчишь...

Но все не так просто, и к каждому закону, пусть это даже законы физики и термодинамики, бывают поправки. Почему дежурные смены из поколения в поколение передают вроде бы совершенно противоречащие материализму байки о разуме ракет? О разговорах с ракетами? О влиянии ракет на жизнь офицеров, которые их обслуживают? А уж о тяжелом взгляде томящегося в шахте «убийцы континентов» рассказывают, поживаясь, даже солдаты-срочники!

Откуда берутся такие разговоры среди специально отобранных, десятки раз протестированных военнотружеников — абсолютно здоровых, с устойчивой психикой и ограниченным воображением, идеально подходящих для исполнения приказов и совершенно не пригодных для придумывания мистических историй, фантастических рассказов или триллеров в жанре фэнтези? Может, от недельных боевых дежурств в заглубленном на десятки метров КП¹, рядом со спящим до поры атомным драконом, «крыша едет» даже у психически устойчивых ракетчиков, не выдерживающих колоссальной ответственности в ожидании боевой тревоги? Это понять и допустить можно, но объяснить подобным образом то, о чем сказано выше, нельзя, ибо срывы случаются в единичных случаях, а мистические рассказы ходят по всем ракетным частям, полигонам, и даже в училища проникают после первой же стажировки в войсках...

И ведь все командиры и начальники различных рангов верят в то, что одних ракетчиков МБР² признает и готова им покориться, а над другими сама берет верх и выполнять их приказы ни в жизнь не станет! Казалось бы, полная ерунда! Ну как может покоряться или не покоряться созданный людьми механизм, когда повернут стартовый ключ, замкнута боевая цепь и включено зажигание двига-

¹ *КП* — командный пункт.

² *МБР* — межконтинентальная баллистическая ракета.

телей?! Никак не может. Но ведь не все запуски проходят успешно!

И самая дотошная государственная комиссия зачастую не может определить: почему при полной исправности оборудования сорван старт? А молва определяет: потому что не тот человек кнопку нажимал! Так это или не так, ни наука, ни особые отделы не выяснили, только старшие офицеры, начиная от командиров ракетных дивизионов и кончая командирами полков РВСН ¹, не издавая антима-териалистических инструкций, стараются назначать командирами пусков тех офицеров, которые считаются покорителями ракет. Вот тебе законы природы, физика с математикой и царство рационализма!

Так что, по большому счету, ракетчики — самые суеверные люди на свете. Перед стартом пишут «Таня» или «Рая» на баке окислителя, не бреются и не пьют перед стрельбами, не планируют никаких важных дел, а тем паче стартов на понедельник и на 24 октября ², накануне крупных учений накрывают стол в честь начальника связи, холят и лелеют «счастливых» командиров пуска, у которых якобы «легкая рука»...

И еще ракетчики верят в сны.

Ночь с 9 на 10 сентября выдалась в Москве на удивление тихая, теплая, даже торжественная. Неделю перед тем хлестал холодный тугой дождь с градом, подтопивший Ленинский проспект, Большую Якиманку и район Павелецкого вокзала, спровоцировавший не поддающееся учету количество мелких и крупных автоаварий и испортивший школьникам начало нового учебного года, который и так радовал гораздо меньше, чем закончившиеся каникулы. А тут вдруг — стихло все в одночасье, дождя как не бывало, лишь ветер прошвырнулся немного туда-сюда, разогнал

¹ РВСН — ракетные войска стратегического назначения.

² Черная дата для ракетчиков: в этот день в 1960 и 1963 годах взорвались на старте две МБР, погибли десятки человек.

сгустившийся над столицей туман, развеял облака, да и сам сгинул, как будто театральный рабочий раздернул занавес и подготовил огромную сцену для некоего действия...

И в эту тихую ночь было в Москве много чудесных и красочных снов — настоящий ночной бал импрессионизма, — и, говорят, приходили сны даже к тем, кто никогда их раньше в глаза не видел и на эту опцию отродясь подписан не был.

Но это не важно. Важно, что некий призрак в лейтенантских погонах сошел тогда по желтому лунному лучу на грешную землю и посетил трех своих бывших друзей и сослуживцев. Одного — в роскошной «пятикомнатке» желтой элитной девятиэтажки Кривоколенного переулка, второго — в двухуровневом особняке на Боровском шоссе, а третьего — в дорогих, но запущенных донельзя холостяцких апартаментах на шестнадцатом этаже итальянских «крестов» Юго-Запада.

Бывает ли такое, что один и тот же человек, совсем неизвестный — не Элвис Пресли, ритмично двигающий бедрами под завораживающие зрителей звуки рока, и не Маша Шарапова в короткой белой юбочке и с ракеткой за две тысячи долларов, а обычный лейтеха-ракетчик Пашка Дроздов по кличке Дрозд, погибший в далеком 1972 году, — один и тот же Пашка, снится нескольким людям одновременно?

Бывает, бывает. Вот только к чему бы это?.. Ракетчики, собаку съевшие на всяких приметах, скажут: да уж вряд ли к чему хорошему.

* * *

Сравнивать внутреннюю тюрьму ФСБ с «обычным» следственным изолятором все равно, что рай — с адом. Здесь нет жуткой скученности, влажной духоты, отвратительной вони, клопов, тараканов, вшей и бактерий туберкулеза; нет очереди на шконку, чтобы спать в три смены, или

к щели под дверь, чтобы глотнуть воздуха, где еще содержится несколько молекул кислорода...

Но Алексей Михайлович Рогожкин не мог или не хотел оценить преимуществ своего арестантского бытия: просторной камеры на двоих, питания из столовой для сотрудников аппарата, большого окна без железного «намордника» и запыленной проволочной сетки. Он лежал на настоящей, с пружинами и чистым бельем кровати и имел полную возможность дышать нормальным воздухом и наслаждаться дневным светом. Но никакой радости он не испытывал — напротив, пребывал в депрессии, почти все время молчал и остановившимся взглядом смотрел в потолок.

Первый раз в жизни он не знал, что делать. Был он человеком конкретным, неотесанным, даже грубым, совершенно не склонным к самоанализу или какому бы то ни было аналитическому мышлению вообще, и потому сейчас пребывал в отчаянии. В паническом отчаянии. Он всю жизнь руководил и командовал, а сейчас превратился в бесправного арестанта, почти раба. Из него делали шпиона. Как старый служака, он знал, что *органы* всегда правы. *Они* докажут. *Они* смогут доказать все, что угодно... Поэтому он даже от бесполезного адвоката отказался, чтобы показать — бояться ему нечего.

— Сейчас здесь хоть не бьют, да кормят нормально, права человека соблюдают! — без устали балаболит сосед Иван Петрович, энергично расхаживая по камере. — Не то что в шестьдесят четвертом, когда я первый раз сюда угодил. За права человека, кстати, ха-ха! А по большому-то счету ничего не изменилось! Какие люди, такие и права, ха-ха... А что там ваш детектор лжи показал?

Рогожкин, наконец, отцепил взгляд от потолка и сел. Если все время молчать, можно с ума сойти. За разговорами время быстрее проходит. Он посмотрел на товарища по несчастью.

Интеллигентный старичок, литератор, седые волосы схвачены на затылке косичкой, глаза внимательные, со-

чувственные. Из бывших диссидентов, по тюрьмам всю жизнь мыкался, но держится бодрячком.

— Отклонения в пределах допустимого,— тяжело вздохнул он.— Да по-другому и быть не может: я же правду говорю!

— Очень хорошо, очень,— Иван Петрович потер руки.

— Да толку-то что? Если б выпустили — вот тогда бы хорошо было!

— Нет, это важно! Ведь теперь вам всякую гадость химическую колоть не будут. «Сыворотка правды» называется. От нее люди с ума сходят. Вот помню, во Владимирском центре... Ну да ладно! Главное, вам надо разобраться: за что? Понятно, что вы не виноваты, но ведь повод какой-то должен быть? Почему на вас подумали? Почему именно вас заподозрили? И кто мог все это против вас подстроить?

Сосед остановился, присел, уперевшись руками в колени, и пристально смотрел ему в глаза, будто гипнотизируя. Благообразный облик портила бородавка на подбородке, из которой росли жесткие и противные волоски.

Рогожкин с маху рухнул на плоскую подушку. Советы опытного диссидента были полезными. Действительно, если б хоть каким-то образом понять, кто ж это всунул в голову вождя тот передатчик? Ну — кто это мог быть?! Ведь спасение именно в этом: вспомнить!

— Да потому, что из посторонних вроде и некому,— с горечью ответил он.— Всех приезжих встречали, сопровождали, ни одной минуты не оставляли одних, каждый шаг контролировали приезжих этих...

— Ну а если важный гость? За ними небось не следили? — Литератор доверительно присел к нему на край койки.

— Это конечно. Только там и так все на виду. Да и потом, разве полезут начальники ночью на стацию: они все с животиками, в возрасте... Нет. Это кто-то быстрый сделал, молодой, верткий. Может, когда красили?! Так поднять же надо было! В ведре с краской, что ли? Ни капли краски на

том шаре не было, что этот гад, Евсеев, снял. Ни капли краски. Светился, играл изнутри, как северное сияние...

Рогожкин вдруг вспомнил, как в далеком семьдесят четвертом купил игрушечный луноход на батарейках, в Оренбурге купил, в большом универмаге. В командировку летел через Оренбург, на чужой полигон — выпивший, веселый... Привез домой, пустил впереди себя, луноход пошел, переваливаясь, как живой, а Степанида, Степка, жена, завизжала тогда от неожиданности, а потом сказала: вот, будет подарочек первенцу.. Ни первенца, ни вообще детей у них потом не случилось, да и Степка его бросила... Может, и к лучшему: после красавицы-невесты Вареньки сердце у него не лежало ни к одной женщине. Жаль, что она Москву любила больше, чем жениха. Такие вот пироги... Но дело не в том. Очень тот луноходик был похож на шпионский аппарат. Тоже светился изнутри. Переливался разными цветами.

Тридцать лет вроде прожил в статуе аппаратик? Может, и луноход прожил бы столько же, да они со Степкой забросили его в чулан, а сами занялись хозяйством на полигоне. Рогожкин в начштаба вышел и как-то само собой к выводу пришел, что ничего худого не случится, если он своих ракетчиков подкормит слегка... Ну и сам подкормится, естественно. Вот и устроили на заднем плане, подальше от посторонних глаз, небольшой такой хоздворик, и оживилось как-то питание: три козы да две свиноматки, а еще Степанида его к бабкам в деревню соседнюю моталась, шерсть козью таскала, деревенских бабок «заартелила» носки да пояса вязать... И что бы ни говорили всякие злопыхатели, однако с шерсти той и солдатам тоже кое-что перепало, и количество простудных заболеваний пошло на убыль — на это факты есть, статистика! — а от истощения так точно никто не умирал...

Рогожкин не то взревел, не то всхлипнул. Все-таки не такое уж он и дерьмо. Хороший, можно сказать, человек... Ну пил ну, орал на подчиненных — делов-то! И за что ему такие муки? За что из него шпиона делают?

Треснул своим громадным кулачищем по бедру так, что слезы брызнули из глаз, утер их торопливо рукавом, трубно потянул носом, встал и пошел к двери, а от нее к окну. Потом обратно к двери. И снова к окну. Это был Большой прогулочный проспект между двумя кроватями. Но вдвоем на нем не разминешься.

— Это все лейтенантишка этот, Евсеев фамилия! Ему показатели работы нужны, вот он и старается, валит все на меня, сволочь! Ни в жисть я им не докажу, что не верблюду!

— Докажете, голубчик, докажете,— ласково подбодрил Иван Петрович.— Правда, она всегда себе дорогу проложит... Вот вы говорили, что памятник этот ремонтировали в семьдесят втором. А кто это делал? Не могли они подложить? А вы в этом ремонте участвовали? Вы хорошо вспоминайте!

Рогожкин резко остановился, будто натолкнулся на прозрачную стену.

— Да мы все участвовали! Кто от дежурства свободен, того и посылали. Я, например, леса сбивал вокруг статуи. Тогда нельзя было прилюдно с вождя голову снимать, мы вокруг деревянную беседку сделали, с площадкой — и работать удобно. Остряки еще шутили: «Мол, Ленин в шалаше!»

— И правда смешно, ха-ха!

Полковник мрачно посмотрел на соседа.

— Тогда за такой смех вполне можно было пять лет получить!

— Да, да, конечно, вы правы,— смутился старый диссидент.— А кто чаще работал в этой беседке? Кто приезжал в это время на полигон? Вы вспоминайте, вспоминайте, это очень важно!

Рогожкин двинулся дальше по печальному маршруту окно—дверь.

— Да я днем и ночью вспоминаю каждого... Ни на кого не могу подумать! Непосредственно со статуей работали четыре молодых офицера: выпускники училища — только прибыли по распределению. Они ее чистили, разбирали, красили... Только какие шпионы из курсантов? Шпионаж — это боль-

шие деньги, правильно? Шпион отличается тем, что может купить, что хочет. А все эти курсантики — голь перекатная! Катранов — голь! Мигунов — и того пуще: сразу женился, молокосос, и почти год спал с молодой женой на кирпичах! Матрас — на кирпичи поставили! Потом этот... которого током-то убило! И еще один, Семаго, тоже на богача не похож.

Он снова ударил богатырским кулаком, на этот раз по подоконнику. И сразу со стороны коридора загремели ключи, дверь приоткрылась.

— Рогожкин! — крикнул в щель охранник. — К следователю!

— Храни вас Бог! — Иван Петрович осенил полковника крестным знамением. — Я буду за вас молиться!

* * *

...В два ночи на своем родном диване, ставшем с некоторых пор непривычно широким, проснулся Сергей Михайлович Семаго. Майор в отставке, коммерческий директор научно-производственного объединения «Циклон», интересный серьезный мужчина, семьянин... М-м, погодите... Семьянин?.. Диван-то в самом деле уж больно широк.

Семаго пошарил рукой справа от себя, рука наткнулась на пепельницу и перевернула ее. Отряхивая испачканную ладонь, Сергей Михайлович стал вспоминать... Вспомнил: он семь лет уже официально не женат. Его семейная жизнь, которая начиналась как классический комсомольский сериал — оба были молоды и прекрасны и хотели счастья не только для себя, но и для всех-всех-всех, — жизнь эта закончилась как в ужастике «Техасская резня бензопилой». И поедом его ели, и кровь пили, и пилили, пилили... А может, просто он так себе все это представлял. А Варвара, наверняка, представляла по-другому...

Но проснулся Сергей Михайлович не от этого. Не жена ему снилась. Другое что-то. Словно колокольчик тревожный прозвенел в темноте.

Сергей Михайлович прикрыл глаза и навел резкость. Сон постепенно проявился: запах полыни, жара, сухая бетонная твердь под сапогами. Это «Дичково», дырка в ж...е, первая точка армейской службы, будь они обе неладны — и точка, и служба! Жара, змеи, плохая вода, изнурительные старты, беспросветная скука...

И Пашка Дроздов. Злополучный Пашка, мечтатель-неудачник, болючий прыщ на его, Сергея Михайловича, совести. Спускается Пашка с той злополучной статуи, хлипкая лестница под его ногами пляшет, и провод рядом болтается, от провода искры во все стороны, а он словно и не видит — улыбается. А на щеке — пятно красное рдеет.

— Эй! — крикнул тогда во сне Серега Семаго по кличке Сёмга. — Смотри под ноги, дурак! Убьет ведь! Там под напряжением!

— Не убьет, — ответил ему Пашка тихо. — Теперь не убьет.

Сёмга не верит ему, потому что Пашка чокнутый, это все на курсе знали. Чокнутый и упрямый, как танк с заклинившей башней.

— Да стой же ты! Стой, дурило! — орал Сёмга. — Замри!

— Я иду к вам, — говорит Пашка в своей манере, типа ставит в известность, информирует. — Соскучился вот.

Только теперь под ногами его не шаткая деревянная лестенка, а широкие мраморные ступени, начинающиеся где-то высоко-высоко под облаками — не разглядеть, а внизу упирающиеся в бетон, и на месте стыка Сёмга увидел расползающиеся во все стороны трещины, словно эта лестница врезалась в плацдарм, как мраморная авиабомба с лазерным наведением в бетонный круг полигона.

Он отступил на шаг, потом еще на шаг, уперся спиной во что-то... В кого-то. Кто-то стоял сзади, не пускал его дальше. А Пашка спокойно сошел с лестницы и, не гася улыбки, приблизился вплотную, так что Сёмга видел теперь только его глаза да рдеющий след от удара: странное хитросплетение разорванных капилляров, медленно разбредаящиеся по тканям красные кровяные тельца...

— А ты? — спросил он у Сёмги. — Ты соскучился?

Сёмга хотел отвернуться, но тот, кто стоял сзади, держал его голову, не давал пошевелиться. Теперь он увидел, что пятно как-то оформилось и теперь на щеке у Пашки проступил отчетливый рисунок его, Сёмгиной, ладони, со всеми этими хиромантскими линиями и даже папиллярными узорами...

Его ладонь, Сёмгина, — не отпрешься!

Кажется, Пашка еще что-то говорил, только Сёмга не слушал, он все пытался вырваться и убежать. Так и не вырвался — проснулся...

Сергей Михайлович открыл глаза, вздохнул. Потом сел, опустил ноги на пол, ощутив неприятное прикосновение каких-то крошек, песчинок... обычного холостяцкого мусора. Он брезгливо вытер ступню правой ноги об икру левой. Надо бы пропылесосить, да и влажная уборка не помешает. Но приходящие женщины не числили хозяйственность в числе своих достоинств. А может, не считали нужным ее демонстрировать. И Наташка, сучка, ни разу за веник не взялась — хотя бы для приличия...

На часах — четверть третьего. Сон ушел. Сергей Михайлович снова нашарил рукой пепельницу, достал из кармана брюк пачку сигарет, закурил. В голове, как заевшая пластинка, крутилась невесть откуда взявшаяся фраза: «Завтра увидимся, завтра!..»

Сергей Михайлович, кряхтя, наклонился и поднял с пола пульт телевизора, нажал кнопку. Передавали обычную для этого времени — не времени суток, а просто календарного времени, галиматень: помесь черной магии с эротикой. Какой-то хмырь с треугольными ушами, в черном трико и при шпаге, вальсировал в полутемном зале с голой дамой.

«Завтра увидимся...»

Семага смотрел на экран и ничего не видел. Пашка Дроздов не шел у него из головы. Пашка, Пашка. Ведь нормальный парень был на абитуре, как все: и выпить не прочь, и покуролесить, и на танцы прошвырнуться... А как